

РЕЛИГИОЗНАЯ СУЩНОСТЬ НАУЧНОГО МЕТОДА

1. Общая религиозность научного метода

В наше время научное мышление является наиболее распространенной формой **религиозного** мышления.

В соответствии с общепринятым подходом под **религией** здесь подразумевается *система основополагающих принципов и положений, принимаемых без доказательства*, т.е. на веру.

В то же время **наука** — *выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности с целью описания, объяснения и предсказания процессов и явлений действительности на основании открываемых ею законов*.

Уже в самом определении науки прослеживается ее религиозный аспект, а именно:

- 1 Вера** в объективное существование законов природы.
- 2 Вера** в единство этих законов во всем пространственно-временном континуме, проявляемое как в натуральных наблюдениях, так и в лабораторных экспериментах.
- 3 Вера** в рациональный (разумный) характер этих законов, дающий возможность их постижения рациональным же путем.

Нетрудно убедиться, что указанные положения сводятся к *вере в существование разумного всеведущего всемогущего Законодателя*, способного не только установить единую самодостаточную систему законов мироздания, но и, в отличие от большинства современных нам законодателей, следить за непреложным осуществлением этих законов.

Именно поэтому, несмотря на высокий уровень развития астрономии, медицины, земледелия, металлургии, архитектуры и искусства во всех дохристианских цивилизациях, собственно наука и основанная на ней технология сложилась только в европейской цивилизации, да и то лишь к XVII веку, когда вера в единого Творца, который *премудростью основал землю, небеса утвердил разумом* (Притчи 3:19), *держа все словом силы Своей* (К Евреям 1:3), стала неотъемлемой частью как общей культуры, так и индивидуального сознания. Триумфальное открытие богословами-естествоиспытателями Кеплером и Ньютоном законов планетарного обращения и механического движения, а также синтезированного из них Ньютоном закона гравитационного взаимодействия, заложившее основы теоретической механики, было по праву воспринято, как самое убедительное подтверждение постулата о единстве и разумности законов мироздания.

Последующее распространение соблазнительных идей гуманизма и прогресса подорвало массовую веру в единого Творца. Однако поскольку существование объективных рационально постижимых законов мироздания уже не вызывало сомнения, роль разумного Законодателя была вместо Творца приписана Его творению. Этим были возрождены различные формы пантеизма, что существенно сместило мировоззренческие и этические аспекты научного метода, но не изменило его религиозной сущности.

2. Частная религиозность научного метода

1. Будучи не в силах полностью и объективно описать исследуемую систему, наука вынуждена на любом из этапов познания прибегать к модельным представлениям. При этом наиболее важное место научный метод уделяет построению умозрительной модели — гипотезы, теории, парадигмы. Именно эта модель определяет дальнейшее направление как других форм научного моделирования — натурального, лабораторного, математического — так и самого исследовательского процесса.

Однако всякая подобная модель основывается на системе принимаемых **на веру** изначальных предположений, допущений и аксиом. Так, дарвиновская модель видообразования покоится на умозрительных положениях униформизма и прогресса, геометрическая модель Лобачевского — на аксиоме пересекания параллельных прямых; диалектическая модель Гегеля — на признании первичности идеального начала, и т. п. Эти же базовые допущения ограничивают область применимости самой модели.

2. Научная модель, удовлетворительным образом описывающая накопленные на момент ее создания факты (*в том числе — неверно истолковываемые*), как правило становится рабочей моделью и получает широкое распространение.

Условные по форме и религиозные по сути исходные предположения модели постепенно оказываются вне системы рассматриваемых вопросов, либо приравниваются к описываемым моделью объективно наблюдаемым фактам, формируя феномен логического порочного круга, как, например, в случае с сосанием пальца младенцем — у Фрейда, или выживанием наиболее приспособленного — у Дарвина.

Вера в предполагаемую истинность предпосылок сменяется **верой** в истинность самой модели. На этом этапе происходит отождествление массовым сознанием самой модели и описываемой ею реальности, а также утрата ясного понимания границ применимости модели. В результате неизбежно возникает неадекватные синкретические концепции. Например — понятия *диалектический материализм* или *эволюция неживой материи* (приложение гегелевских

законов диалектики к материи корректно лишь в рамках идеалистической парадигмы, равно как и предложенный Дарвиным механизм эволюции — выживание наиболее приспособленных — не может действовать в неживой природе).

3. Существенной характеристикой научного метода является его *креативный потенциал*. Отождествив модель и реальность, исследователь становится творцом реальности, формируя и развивая ее в соответствии с принятой им моделью. Происходит **онтологизация** научных представлений (“воплощение” исходно умозрительных понятий, *осуществление ожидаемого*).

Получаемые при этом результаты обусловлены самой моделью, однако их соответствие модели зачастую воспринимается как основание для **веры** в ее истинность, что формирует второй уровень логического порочного круга. Немаловажную роль при этом играет **семантическая предопределенность** трактовок появляющихся новых научных фактов в рамках этой модели. Так, например, положительный исход эксперимента по лабораторному синтезу живой материи из неживой неизбежно будет воспринят большинством наших современников как доказательство отсутствия необходимости в разумном Творце. На самом же деле это будет доказывать обратное, а именно — что живая материя может быть получена из неживой мыслящим существом, обладающим достаточным запасом знаний и практических навыков, при правильных подборе оборудования и постановке эксперимента. Как справедливо заметил Вернер Гейзенберг: *“То, что мы наблюдаем, — это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она представляется нам благодаря нашему способу постановки вопросов”*.

[Стоит отметить, что именно на этом этапе отрыва научного метода от его религиозно-нравственных корней таится наибольшая опасность. Широкое распространение какой-либо модели — всегда условной и ограниченной — за пределы области ее применимости неизбежно приводит к формированию условной и ограниченной реальности. Социальные революции XX века — прекрасная иллюстрация того, как никакие жертвы — людские, финансовые, культурные — не берутся в расчет при ваянии реальности под “овладевшую массами” умозрительную концепцию. (*“Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”*).]

3. Ограниченность научного метода

Итак, сколь логичной, изящной и убедительной ни казалась бы нам исповедуемая нами парадигма, в основании ее всегда лежат не поддающиеся проверке религиозные (т.е. принятые на веру) положения. С другой стороны, сколь бы общепризнана ни была какая-либо теория, в любой момент может быть получено приращение знаний, полностью ее опровергающее.

Возьмем хотя бы тот же вопрос происхождения живой материи из неживой. Всего пару столетий назад вам доказали бы экспериментально, что лягушки зарождаются из ила, а личинки мух — из протухшего мяса. Теория самозарождения была передовой общепризнанной научной теорией. Однако эксперименты Пастера показали ее несостоятельность, и передовой общепризнанной научной теорией становится невозможность спонтанного зарождения жизни. Проходит совсем немного времени, и передовой общепризнанной научной теорией становится идея Опарина о зарождении первоначальных форм жизни в первичном бульоне. Но после тщательного анализа результатов лабораторного эксперимента Миллера-Юри, а также последних достижений в области информатики и генетики энтузиазм научного мира по поводу идей Опарина заметно охлаждает.

Так какая же из этих передовых общепризнанных научных теорий истинна? Что нам доподлинно известно по этой проблеме? *Известно ли нам вообще — что же нам известно, а что — нет?* В рамках собственно научного метода ответа на эти вопросы не существует. Здесь мы выходим за пределы области его применимости, подбираясь к фундаменту, на котором он покоится. А фундамент этот принадлежит совершенно к другой области знания, а именно — религии.

Впрочем, если вы — атеист, то для вас это, скорее, область *незнания*. Вы не верите в существование чего бы то ни было за рамками рационально-эмпирического опыта, и вся ваша сложная и стройная система научных знаний лишена фундамента и висит в воздухе. Миром правит случайность, и любая наблюдаемая закономерность — всего лишь совпадение. Если же вы исповедуете какую-либо форму пантеизма, например — материализм, то для вас вечная и бесконечная Материя сама является тем самым разумным Законодателем. Однако стоит ли ожидать, что эта безличная Материя укажет вам — где же вы правы, а где заблуждаетесь? В обоих случаях наука — дело не только неблагодарное, а вовсе лишенное смысла, и ничего, кроме разочарований, вступающего на это поприще не ждет.

Однако вернемся к истокам. Наука началась с принятого на веру положения, что Творец, Законодатель и Вседержитель *существует, и ищущим Его воздает* (К Евреям 11:6). И воздаяние было дано! Дело в том, что Он — не некая среда, сила или энергия. Он — Личность, с Которой можно и должно иметь живое общение. Миллионы людей общались и общаются с Ним, и не Его вина, если вы не входите в их число. (Если вы не играете на скрипке, это вовсе не значит, что скрипичной музыки не существует.) Он с радостью откроется вам, лишь только вы обратите к Нему свою веру. *А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть* (К Евреям 11:6).

Если вашим религиозным взглядам соответствует существование единого всемогущего, всеведущего Бога-Творца, вся система научных взглядов обретает твердое и веское основание — Его откровение. Можно ли ждать более достоверного источника информации? Кто лучше знает наш мир, чем Тот, Кто его создал? Любой здравомыслящий человек, эксплуатируя какой-либо прибор, обращается в первую очередь к инструкции, составленной его непосредственным изготовителем. Собственно говоря, уже сами открываемые учеными законы — откровение Божье, *ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (К Римлянам 1:20). Но полное Откровение, отвечающее не на вопрос *Как?*, а — *Зачем?* дает лишь Его слово — Библия.

Хотим ли мы строить научное познание мира на прочной основе? Тогда у нас лишь один выбор — довериться Творцу, который заповедал: *Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне* (От Матфея 7:24).

